

Руслан Киреев

Руслан Тимофеевич Киреев (1941) – поэт, прозаик, журналист. Выпускник Литературно института имени А.М. Горького, ныне – профессор кафедры литературного мастерства, руководитель творческого семинара прозы. Автор более пятидесяти книг, лауреат литературных премий.

Прямая речь: «У персонажей этого рассказа есть прототипы. Светополь, где происходит действие, – это Симферополь, мой родной город. Именно тут разворачиваются события большинства моих романов, рассказов, повестей и даже пьес. Иллюзионист Михаил Вахто – ныне забытый цирковой артист оригинального жанра Анатолий Рубинов, на выступлениях которого я бывал в симферопольском шапито неоднократно и почти все трюки которого разгадал, в том числе и описанный в рассказе. Вадька Конь, дядя Петя, Зинаида Борисовна, ну, и, конечно, гречанка Афродита жили в нашем большом интернациональном дворе – я даже не изменил их имена. Не изменил и имя прекрасной Вали Буртовской, разве что фамилию слегка переиначил – в реальности это была Валентина Домбровская, гордая полячка, покорившая всю мужскую половину нашего класса. А она предпочла всем нам Толю Ската, маленького гимнаста годом старше нас. Подлинная фамилия его была Крат, не помню, с одним или двумя «т». Раз мы даже сошлись с ним в кулачной дуэли – в городском парке, разумеется, при секундантах. Дрались, как водилось у нас, “до первой кровки”. Кажется, секунданты зафиксировали ничью – носы у обоих оказались крепкими.

Мне было тогда четырнадцать. А спустя шестьдесят лет написались стихи, в которых незабвенная Валентина явилась уже под своей подлинной фамилией.

Валя Домбровская, Валя Домбровская...
Школьное фото. Наш замерший класс.
Ты тут, быть может, не самая броская.
Взгляд проскользнул бы. Но это сейчас.

Это сейчас, а когда лишь четырнадцать
Было всем нам, как же грезилось мне
Где-то не в школе с тобою увидеться,
Где-нибудь встретиться наедине.

Девочка гордая племени польского,
Мама бухгалтер, а папа шофёр...
Валя Домбровская, Валя Домбровская,
Всё-то я помню о Вас до сих пор.

Много ль у Вас было в жизни поклонников?
В школе, я знаю, их было полно,
Только ни с кем из настойчивых школьников
Ты не сходила ни разу в кино.

Шли про Тарзана четыре аж серии.
Ночь простояв, я билеты достал.
Взглядом внимательным ты меня смерила.
Не отступил. На дороге стоял.

Шутками сыпал какими-то плоскими...

Не улыбалась. Смотрела на дверь...
Валя Домбровская, Валя Домбровская,
Как Вы и что Вы, и где Вы теперь?

Часто встречался я с Вашими тёзками.
Даже влюблён был. Но дело не в том.
Валя Домбровская, Валя Домбровская,
Вот те билеты. Быть может, пойдём?»

ПОЖАРНИК АФРОДИТА

Не люблю вторников. Это с детства, когда тёмным и скучным бывал по вторникам светопольский цирк. Выходной... Зато в остальные дни я ошивался тут едва ли не каждый вечер. Билета не было, но это ничего. Подстерегал, когда толпою повалят припоздавшие зрители, и тихонько вклинивался между ними. Чинный... С постной миной. Этакий пай-мальчик, которого интеллигентные родители ведут приобщиться к искусству.

Иногда выгорало, иногда нет. «А твой билет?» – раздавалось вдруг, и, как ни изображай маленького профессора, по рассеянности отставшего от своих, как ни вскидывай оскорблённо брови и ни озирайся вокруг – дескать, только что здесь были! – игра проиграна. Взашей тебя! С криком! На глазах у всех.

Но я возвращался. Как мотылька на свет, тянуло меня сюда. Инстинкт! Что-то, видать, помнило во мне другие праздники и другие балаганы. Именно балаганы – на базарных площадях, под крики зазывал, под гвалт и смех, среди острых запахов съестного. Издалека – о-о, издалека! – пришла ко мне любовь к цирку. Первозданна она, первобытна, интерес же к другим искусствам – работа поздних времён.

Цирк бескорыстен. Он не учит, он развлекает, но поостережёмся низводить его за это с пьедестала искусства. Вспомним лучше, что и Гомер развлекал, и Шекспир, театральный сочинитель, и Сервантес, безудержно строчивший свой пародийный роман. Прежде всего развлекали, а уж потом все остальное.

Разумеется, тогда ни о чем подобном я не думал. Иное занимало меня: просочиться внутрь и там, внутри, под двухголовым брезентовым куполом, хлопающим на ветру, уцелеть, пока не вспыхнут прожектора, и оркестр наверху, выпрыгнув из мрака, не заиграет вступительную увертюру. Фу-у... Теперь мне никто не страшен. Даже Афродита.

Меня она знала как облупленного – в одном дворе жили. Ей бы проявлять гуманность ко мне, соседу, ей бы не выслеживать меня, а, напротив, хотя бы разок без билета провести, но где там! Грозно озирала она сверху сбегающие вниз переполненные ряды. Лишь проходы оставались свободными, и как славно можно было б посидеть на приступочках, кабы не эта ведьма! Мы, видите ли, нарушаем правила противопожарной безопасности, а она поставлена сюда блюсти их. Афродита была (да и поныне остаётся) единственной известной мне женщиной-пожарником.

Вообще-то её звали Аннушкой, но кто-то из несовершеннолетних грамотеев припечатал её за греческое происхождение именем богини красоты. Это была злая шутка. Чёрная, усатая Афродита вряд ли могла порадовать чей-либо взор. Вот если только волосами...

Когда она стояла, вытянувшись, на противопожарном своём посту, волосы были собраны в пучок – форменная фуражка с кокардой едва налезала, - но дома выпускала их на волю, и они черным водопадом ниспадали чуть ли не до щиколоток. Так и расхаживала по двору – волосы распущены, белки глаз сверкают, а голос гортанный, резкий вороний какой-то.

Был у неё муж, рыжий мужичишка дядя Петя, заядлый козлятник даже зимой, под снежком, в домино стучал, и сын был, но жил в колхозе, где-то, кажется, под Джиганском. Работал шофёром и время от времени наведывался на своём грузовике в Светополь. С деревенскими гостинцами... То дынь привезёт, то кукурузу, и Афродита варила её на примусе в огромной кастрюле. Воссев на крыльце, волосы на грудь закинув, вонзала в сверкающий кочан металлические зубы.

Отсюда, с высокого крыльца, отлично видела она все. Не дай бог затеять нам игру со спичками! Тотчас подымалась, роняя волосы, руку вскидывала и на весь двор, вороньим своим голосом:

– А ну перестань! С огнём баловаться...

И это уже, понимаю я теперь, не от служебного рвения, а из чувства долга.

Мы дразнили её... Если завернуть в газету плотно скрученную плёнку, поджечь её, а затем быстренько погасить, то получится великолепная «дымовая». Вадька Конь был в этих делах мастером непревзойдённым. Валил чёрный дым, и Афродита, задыхаясь, летела что есть мочи ликвидировать пожар. Одна! Но когда подбегала к крутящемуся волчком самодельному снаряду, он уже успевал выгореть и затихал, опустошённый. Мы ликовали. Поодаль, на безопасном расстоянии, однако безопасность наша была мнимой. Афродита –та не могла достать нас, но мы забыли о дяде Пете, тихом мужичишке, ничего, казалось бы, не видевшем, кроме своего домино.

Видел! Положив кости, папироску положив, подкрался сзади и – хвать за уши сразу двоих, меня и Вадьку Коня. Мы аж присели а рты наши, только что смеющиеся, криво вбок поползли.

С интересом глядели на нас голубые глазки – то на одного, то на другого, а пальцы продолжали выворачивать наши несчастные, наши жутко похрустывающие уши, и мы тоже выворачивались все, едва сдерживаясь, чтобы не завопить благим матом.

Быстро подошла Афродита. Босая. С кукурузой в руке – полуобглоданной. Выкатив чёрные глаза, часто-часто говорила что-то, но мы, ополоумев от боли, не понимали ни слова и оттого, должно быть, решили после, что говорила она по-гречески.

Дядя Петя не проронил ни звука. Держал нас, покуда жена его этот чёрный огнетушитель, не выкипела вся, потом разжал пальбы и спокойно к столу вернулся, сунул папироску в рот...

Но что наши детские забавы по сравнению с праздником огня, какой – вполне легально – устраивался в цирке! И жертвы ведь были. Да да, жертвы. На глазах сотен зрителей дотла сгорала хрупкая девушка, подарив на прощанье обворожительную улыбку. Как реагировала на это Афродита? Не знаю... В эти минуты я забывал о ней.

Фокусы были любимейшим моим жанром. Впрочем, «фокусы» – слишком общее понятие, так дилетанты говорят, я же прекрасно разбирался, где иллюзия, где манипуляция, а где, предположим, мнемотехника.

Многое, очень многое разгадывал сразу, а некоторые трюки мог даже повторить – в упрощённом варианте,–но были и такие, которые долго не поддавались расшифровке. Например, коронный номер иллюзиониста Михаила Вахто.

На афишах красовался сидящий в кресле мужчина, импозантный, с руками, ногами, начальственным животиком, но без головы. Точно бритвой отчикали. Как вглядывался я в это фантастическое изображение! Как жадно считал оставшиеся до премьеры дни!

Это были заключительные гастроли сезона. Осень... Первая осень, когда в нашей доселе мужской школе появились девочки. Конец пришёл раздельному обучению...

Здесь начинается лирическая часть моего рассказа, теснейшим образом связанная – лично для меня! – с цирком. В частности, с иллюзионным аттракционом Михаила Вахто, с его сенсационным номером, взбудоражившим город.

Сейчас я понимаю, что «взбудоражившим» да ещё «город» сказано слишком сильно, но в то время я был убеждён, что все вокруг, подобно мне, только и думают о безголовом джентльмене.

– А кто потом,– иронизировал Толя Скат, с некоторых пор повадившийся ходить в наш класс, – кто потом пришивает голову?

Я знал, перед кем выпендривается он. И ради кого шастает сюда. Ради Вали Буртовской...

Она стояла тут же и слушала, закусив белыми зубками губу. Серые глаза её смеялись. Как прямо держала она голову! Как ходила! Ноги в мягких туфлях двигались бесшумно и быстро, а руки при этом хоть бы шелохнулись. Месяца не прошло, как переступила она порог школы, а весь наш класс сходил с ума по ней. И не только наш. Толя Скат своими одноклассницами пренебрёг, а к нам хаживал. Он был разрядником по гимнастике, и для Вали, спортивной девочки,– что выделывала она в своём голубом трико на брусьях и бревне! – это что-то да значило. Правда, он был малость пониже её, но его это не смущало.

Читатель, должно быть, понял уже, что среди тайных вздыхателей Вали был и я, апологет цирка. С таким жаром говорил я о нем, так страстно

отстаивал его всемогущество, что растормошил Валино любопытство, и она, вытирая на перемене доску, спросила вдруг, куда все-таки девается голова.

Вдвоём были мы в классе. Кажется, вдвоём... Глаза её улыбались, а я не знал, что ответить ей. Но если она хочет... И смолк.

– Что?– спросила она, не опуская руки.

Две ленточки были вплетены в сцепленные крест-накрест косички.

– Можно сходить, если хочешь, – договорил-таки я. А сердце – бум-бум-бум.

– Хочу.

Я не поверил.

– Правда? Я... Я билеты куплю. Мы по билетам пойдём.

Ленточки запрыгали. От смеха...

– Конечно, по билетам.

Весь пунцовый стоял я перед ней, с ужасом понимая, что выдал себя.

Но приглашение состоялось. Теперь надо было доставать билеты. Мне пофартило: соседке Зинаиде Борисовне привезли новые стулья, и она кликнула меня, чтобы старые я спустил в подвал, за что по-царски отблагодарила десяточкой. Остальное одолжил Вадька Конь. Итак, деньги были, но...

На кассе который уж день висела табличка «Все билеты проданы». С каким наслаждением перечитывал я её – для меня это было гарантией, что, во-первых, гастроли не отменят и что, во-вторых, представление будет и впрямь замечательным, коли взрослые, солидные люди так и рвутся на него.

Но как же теперь быть?

Афродиту попроси,– посоветовал многоопытный Вадька Конь, – Она работает там, ей дадут.

И я отправился к Афродите.

Она сидела на крыльце в всегдашней своей позе стража порядка и лузгала семечки. Рука её замерла, когда я вырос перед ней.

– Здравствуйте, тётя Аня.

Она молчала, тревожно вглядываясь в меня. Так её ещё сроду не называли – тётей Аней. Взрослые – Аннушкой, а мы Афродитой (за глаза), в глаза же – никак.

– Не могли бы вы выручить меня, – отчеканил я загодя отрепетированный текст.– Мне два билета нужно. Пожалуйста...

На коленях у неё сидел кот. Чёрный, как хозяйка, и так же, как хозяйка, смотрел на меня с беспокойством. Не привыкли к гостям.

– Чего ты? – проговорила Афродита. На толстой губе её висела семечная скорлупа.

Я повторил, что мне нужно два билета, но опять не сказал куда. Мне казалось, это само собой разумеется, она же никак не могла взять в толк, о каких билетах канючу я. На поезд, что ли...

– В цирк,– сказал я.– Два билета в цирк. Пожалуйста.

Тут она удивилась ещё. больше.

– Но где я тебе... Это в кассе.

– В кассе нет.

– Как нет? В кассе.– И смахнула скорлупу,–В кассе билеты.

– В кассе нет, тётя Аня, – объяснил я вежливо.– Но если вы попросите... Пожалуйста! Вы же работаете там.

– Где? – спросила она подозрительно.

– Там... В цирке.

– Да,– подтвердила она с гордостью.– Но билеты в кассе.

Пришлось снова растолковывать все. Она хмурилась. Распущенные,

с седыми нитями, волосы обтекали смуглое лицо, которое сейчас вовсе не казалось мне страшным. Напротив...

– Пожалуйста, тётя Аня,– взмолился я. – Мне очень нужно. Вот деньги...– И, положив сложенные пятёрки и рубли возле тарелки с горячими семечками – они так и пышили жаром,– бочком, бочком спустился вниз.

На другой день едва я вышел во двор, как раздался её гортанный крик:

– Э-э! Слышишь, э!

Мы все повернулись, удивлённые. Она стояла на крыльце во весь рост, с распущенными волосами, и махала рукой, подзывая кого-то.

Меня, кого же ещё. Стремглав бросился я.

Афродита улыбалась. Кажется, я видел это впервые. Она улыбалась и протягивала мне розовые бумажки, которые я столько раз видел в чужих руках, а сам не держал ни разу.

Надо ли говорить, с каким благоговением принял я их!

– Большое спасибо...

– На здоровье,– ответила она с довольным видом и тотчас же потянула билеты обратно.

– Здесь место,– проговорила, тыча пальцем.– Где сидеть.

– Да-да,–закивал я.–Знаю. Спасибо большое.

– На здоровье.– Но билеты не выпускала.– Правая сторона, шестой ряд.

Не глядя шпарила. (Позже я узнал, что она вообще не умела читать.)

С Валей мы встретились у цирка. Не в форме, а в платье была она, в розовом платье и без косичек. Взрослая какая-то причёска... Она казалась выше ростом. Или на каблуках была?

Длинные жёлтые скамейки пустовали. Как майские жуки, чернели на них – чем дальше, тем ближе друг к дружке – номера мест. Пустовала арена – невзрачная, маленькая. Пустовала площадка для оркестра... Но вот один музыкант вышел, согнулся в полумраке, а ногу на стул поставил. Шнурок завязывал? На свою даму покосился я – не видит ли? – но нет, туда, слава богу, не смотрела. В противоположную сторону... Я проследил за её взглядом и увидел Афродиту. Она стояла в своей фуражечке с кокардой, чёрная, носатая, и глядела прямо на нас, скаля в улыбке металлические зубы. Делом своих рук любовалась... Польщённый её вниманием,– какой-никакой, а работник цирка! – я учтиво поклонился.

Валя сидела с опущенными глазами.

Кто это? – прошептала она.

Афродита. Соседка наша. Пожарником работает.

Но ни экзотическое имя, ни странная для женщины должность не удивили Валю Буртовскую. Я вдруг заметил, какой длинный у неё подбородок, и мне это понравилось (мне все нравилось в ней). Она спросила, чуть приоткрыв губы:

– А чего она смотрит так?

Осторожно повернул я голову. Афродита словно бы ждала этого и ещё радостней заулыбалась, закивала. Как на иголках сидел я, затылком чувствуя её умиротворённый взгляд.

Но вот прозвенел третий звонок, засуетились, усаживая опоздавших, билетёрши, вразнобой громко заверещали музыкальные инструменты – заверещали и смолкли, вспыхнули прожектора, но не арену освещая, а оркестр, лицом к которому стоял, вскинув палочку, тоненький дирижёр, и – грянула музыка. Тут я не только об Афродите, тут я и о своей прекрасной спутнице забыл. К куполу воспарил мой дух – да простится мне это высокопарное сравнение. Высыпали и в один миг бесшумно выстроились в два ряда нарядные униформисты. Представление началось.

Не все цирковые жанры вызывали у меня одинаковый восторг. Так, например, я был равнодушен к дрессированным животным (позже филатовские медведи развеяли это предубеждение), особенно к разного рода укротителям. Обожал клоунов... И ещё – так называемый оригинальный жанр, который волновал и интриговал одной уже своей неопределённостью. Акробаты, жонглёры, канатоходцы, воздушные гимнасты, музыкальные эксцентрики – тут всегда заранее знаешь, что ждёт тебя, а вот оригинальный жанр сулит сюрпризы. Да ещё какие!

Никогда не забуду грузинского артиста Сандро Да-Деш (позже он выступал под своей настоящей фамилией – Дадешкилиани). На арену стремительно выходил высокий красивый мужчина в чёрном плаще и шляпе, движением плеч скидывал плащ на руки ассистентки и быстро снимал шляпу. Так быстро, что до вас не сразу доходило, что снимает он её не рукой, а ногой. А руки? Руки в белоснежных перчатках висели неподвижно.

Быстро садился за низкий столик, брал ручку (ногами, все ногами! У него были специальные лакированные штиблеты с прорезью для пальцев) и быстрым, ровным, красивым почерком писал: Да-Деш, Да-Деш, Да-Деш, а ассистентка раздавала эти бумажки зрителям.

Пересев за другой столик, изысканно сервированный, принимался за ужин. Откупоривал бутылку, наливал воды в фужер, пил, вытирал салфеткой рот и так орудовал вилкой и ножом, как иные руками не умеют. Ставили мольберт, и он мгновенными штрихами набрасывал шарж на клоуна, а когда тот возмутился было, схватил его за ухо (ногою!). Потом заряжал ружье, ложился на спину и стрелял по резиновым шарикам. Без промаху...

Говорили, он родился без рук. Возможно... Но в любом случае это был уникальный номер. Я смотрел его раз десять. Но это было не в тот сезон, о котором речь сейчас, – позже.

Гвоздём нынешней программы считался, безусловно, иллюзионный аттракцион Михаила Вахто. Им завершалось представление, пока же шла обычная программа. Это для меня обычная, а Валя Буртовская не отрывала глаз от арены. Особенно по душе пришлись ей гимнасты. Незримое присутствие Толи Ската, разрядника, ощутил я. Как нож по сердцу были мне аплодисменты, которыми награждали их. Я ёрзал и шелестел программкой. Ничего, думал, ничего, настанет и мой черёд. Я верил в Михаила Вахто.

В антракте на арену уложили деревянный, красочно расписанный настил – непременный атрибут всех иллюзионных аттракционов. Яркой дорожкой застелили барьер. Я профессионально всматривался, нет ли какого секрета, а сам с воодушевлением повествовал о трюках знаменитого Кио. Валя смотрела на меня не отрываясь – теперь уже на меня, а не на своих гимнастов.

Кто-то тронул меня за плечо. Я вздрогнул, будто пойманный с поличным. Будто в кармане у меня не лежало билетов. Обернулся...

Передо мною стояла Афродита. Она улыбалась и кивала и, судя по всему, не собиралась выпроваживать меня. Я перевёл дух.

– Здравствуйте,–пробормотал.

Она не ответила. Отступала, улыбаясь и довольно кланяясь, всё выше и выше подымаясь...

Второе отделение началось с воздушного полёта, потом выступал эквилибрист на свободной проволоке («Берегут арену»,– подумал я растроганно), и вот...

После каждого трюка Валя оглядывалась на меня: неужели? Я сдержанно кивал, подтверждая.

На глазах у зрителей собрав ящик, Михаил Вахто сунул в него трепыхающуюся курицу, накрыл платком, снял платок, проворно раскидал ящик. Курицы не было. Валя догадливо глянула на меня.

– В столе...

Я усмехнулся и показал глазами на арену: смотри! И Михаил Вахто не подвёл. Сдёрнул скатерть, в одно мгновение разобрал столик. Никого...

С каким доверчивым изумлением смотрела на меня моя подруга! Царственным взглядом снова отослал я её к арене. То ли будет ещё!

В высоком кресле вывезли Михаила Вахто, но не на середину, а лишь в проход и тут, возле самой портьеры, плотно задёрнутой, оставили. Телефон, бумажки... Бюрократа изображал он. Громко, через динамик говорил, что приёма нет, что он занят и т. д. Потом углубился в чтение журнала, совершенно закрыв им лицо, а когда отнял журнал, головы не было. Руки двигались – живые руки, без перчаток, двигались ноги, продолжал голос звучать, а голова пропала. Окружённая белым воротничком темнела гладкая ровная поверхность...

Валя Буртовская ошеломлённо повернулась ко мне.

– Иллюзионный аттракцион,– изрёк я. и слова эти прозвучали веско и загадочно.

Безголовый бюрократ между тем размахивал руками, требуя что-то (кажется, чтоб голову вернули), и тут вдруг... Этого даже я не ожидал... Тут вдруг Михаил Вахто собственной персоной пожаловал на арену. С центрального, зрительского входа. Кресло с туловищем втянули за портьеру, зазвучал туш, и великий артист вскинул вверх свои пухлые ручки.

Хлопали мало – фокусникам всегда мало хлопают, ибо надо же время, чтобы в себя прийти, но ведущий, умница, не отпускал его, и я изо всех сил бил в ладоши. А потом, повернувшись, встретил взгляд, который мне не забыть никогда.

Нежное восхищение сияло в её глазах. На мой бравый вопрос: «Ну как?» –она ответила чуть слышно:

– Очень...

Я шагнул в сторону.

– Прошу!

Поблагодарив улыбкой, она робко скользнула мимо, очень близко от меня, почти вплотную, но не задев меня даже платьем. Я заметил, как порозовело её лицо и как дрогнули опущенные ресницы, очень длинные.

Новая жизнь настала. И пусть другие не замечали ничего, пусть самоуверенный разрядник Толя Скат по-прежнему игнорировал нас, убеждённый, что мы ему не соперники, но я-то знал, что у нас с Валей отношения особые.

Как поведать о них? Ни объяснений, ни записок, ни хотя бы нечаянных касаний рук – ничего этого не было. Только взгляд, только улыбка, только интонация голоса...

Может быть, я ошибался? Может, обычную вежливость принимал за бог весть что? Нет! Другим она не так улыбалась, или не улыбалась вовсе, или, улыбнувшись, тут же отворачивалась и забывала об этом человеке, на мне же её взгляд задерживался. Он был мягким и немного вопрошающим, этот взгляд, словно она высматривала во мне что-то. Словно чего-то от меня ждала.

Ждала, но не торопила. И никогда не напоминала ни о цирке, ни о чудесах, которые видела там. Кроме, пожалуй, одного-единственного раза.

На лабораторной по физике было это. Вместе делали мы опыт, группой из пяти или шести человек (и то, что мы оказались в одной группе, тоже ведь не было случайностью). Когда подкрашенная вода наперекор здравому смыслу двинулась вверх по стеклянной трубке и все обрадованно захлопали, Валя произнесла негромко:

– Как у Вахто...

Глаза её, устремлённые на меня поверх склонённых над столом голов, смеялись. И не опустились, когда я поднял взгляд, а продолжали смотреть, и губка закушена.

Это ли вам не доказательство? Но было и кое-что посущественней.

Раз ей попал в руки мой школьный дневник. Впрочем, как он ей попал, тоже заслуживает внимания. Она взяла его у меня с парты, не спросив

разрешения – просто руку протянула. Я не протестовал. Вздохнул лишь: мой дневник и её дневник! И дело не в отметках, которые у меня скакали от пятёрок до колов, она же не имела ни одной троечки, дело в самих дневниках. В их внешнем виде. Её – чистенький, обёрнутый розовой бумагой, аккуратно заполненный... А мой!

Сколько времени требуется, чтобы на неделю вперёд написать расписание уроков? Пять – семь минут. От силы десять, если выводить все каллиграфическим почерком.

У меня этих пяти минут не было никогда. На голых страницах стояло вразброс: «Рус.», «Алг.», «Ист.» , и рядом – каракули, обозначающие название темы или номера задач. Это в лучшем случае. В худшем не стояло ничего.

У меня этот дневник сохранился. Красными пометками испещрён он, причём одна, варьируясь, проходит насквозь, от корки до корки: «Небрежно ведёт дневник»... «Очень небрежно ведёт дневник»... «Ведение дневника – 2»...

Но что это? Шесть страниц подряд заполнены сверху донизу крупным, ровным, изумительным почерком. Без всяких «Ист.» и «Алг.», а уважительно выведено полное название предмета. Не помню, в каком приключенческом романе капитан приказывает вылить за борт в разбушевавшееся море полдюжины бочек жира, и сразу же, как по мановению волшебной палочки, наступает штиль. Вот так и в дневнике у меня.

Здесь никакой волшебной палочки не было. Обычная ручка, которую Валя Буртовская, эта гордячка, взяла своими тоненькими пальчиками и, закусив губу, заполнила, не отрываясь, целых шесть страниц. На три недели вперёд. Потом старательно промокнула, закрыла дневник и без единого слова положила его на краешек моей парты.

Ну что? Тут уж не только дух, тут уж сам я воспарил под потолок.

В тот же день я поджидал её с портфелем в руке у школьной калитки. Звонко шлёпнулся о тротуар коричневый, блестящий, с черным бочком каштан. Подпрыгнул, откатился к забору и исчез в ворохе листьев, как в норке. Осторожно поворошил я их носком. Каштана не было. Ещё поворошил, потом нагнулся и раздвинул листья рукой. Не было... Я даже засмеялся от изумления – впрочем, тогда я от всего смеялся,–-а когда поднял голову, в двух шагах от меня стояла в расстёгнутом пальто моя Валя. И губка закушена.

– Потерял что-то?

– Угу,– промычал я.– Каштан.

Она смотрела на меня весёлыми глазами. Потом сунула руку в косую прорезь кармана и протянула на ладошке... каштан. Точно такой, как тот, что спрятался в листьях. А может быть, даже тот самый.

Я помотал головой:

– Да нет, мне не надо.

Каштан сверкал на солнце. Я видел это, не глядя на него. И ещё видел бледные веснушки на её лице.

Почти три десятилетия минуло с тех пор. Больше четверти века, но сцена эта стоит передо мной как живая. Тощий мальчуган в потёртом пиджачке, рукава малость коротки – я быстро рос, и бабушка не успевала угнаться за мной, – и прямая девочка с ленточками в волосах. Белёный школьный забор, а над ним огромное дерево с красно-зелёной, ещё густой листвой и светлыми шариками в колючках. Солнце светит. На ладони у неё лакированно блестит ядрышко каштана... С какой чудовищной высоты вижу я это? Тепло внизу, шуршат о тротуар листья. Она косится на каштан, будто сама удивлена, откуда он взялся у неё, сует его обратно в карман, медленно поворачивается и идёт. Я пристраиваюсь рядом. Или даже не рядом, а чуть сзади, но все равно вижу, как о чем-то сосредоточенно думает она, опустив длинные ресницы, и чему-то тихо улыбается.

Я знаю, чему. Тому, что я все ещё не разгадал фокуса. А она ждёт. И, может быть, начинает сомневаться, смогу ли я. Этаким самозванцем чувствовал я себя. Почти самозванцем.

Но я не сидел сложа руки. Человек без головы прямо-таки преследовал меня, я думал о нем беспрестанно, он даже снился мне, однако секрет его мне не давался. Чуть ли не каждый вечер был я если не в цирке, то возле, а уж на второе отделение прорывался наверняка. Но теперь мне приходилось труднее. Дело в том, что я панически боялся попасть на глаза Афродите. Если прежде меня мало трогало, что думает обо мне бдительная пожарница, то теперь, когда она лицезрела меня сидящим в партере «как люди», с билетами, которые сама же достала, с дамой, то мог ли я снова пасть в её глазах!

Она выделяла меня среди дворовых мальчишек. Кивала и улыбалась, когда я шёл мимо её высокого крыльца, а раз даже пальцем поманила, и я поднялся.

Рядом с ней, как и тогда, стояла тарелка с жареными семечками, но она не ими угостила, а вынесла из дома целый подсолнух – большущий, чёрный, сухой, зрелый даже в серёдке. Я засмущался и начал было отказываться, но она сунула его мне в руку.

– Ешь... Вкусно очень. Ешь!

Кажется, именно в тот день и озарила меня идея порасспросить благоволящую ко мне служительницу. Дежуря там каждый вечер, имея возможность (или даже обязанная?) бывать за кулисами, не могла же не знать она, как делается этот трюк. Наверное, им запрещалось разглашать, но если попросить... Если очень попросить...

Теперь уже я умышленно сновал неподалёку от крыльца. Афродита жарила что-то – сладкий маслянистый аромат растекался по двору. Увидев меня, оскалила металлический свой рот, позвала, и я, стараясь не выдать себя чрезмерной поспешностью, степенно приблизился.

Жарила она айву. Я глазам своим не верил. Айву? Да, айву... Не знаю, откуда вывезла она это блюдо, быть может, из родной Греции, но было очень вкусно. Горячие золотистые ломтики, кисло-сладкие, с тонкой-тонкой нежной корочкой.

Но меня, как вы понимаете, волновали не гастрономические чудеса. Иные...

Разведку боем начал я. О цирке заговорил, Афродита, однако, не поддержала беседы. Айва занимала её куда больше. Заботливо следила, чтобы ломтики не подгорали и в то же время хорошо прожаривались. Поддёв ножичком, пропускала под них масло.

– А Вахто! –- старался перекричать я шум примуса.– Здорово он, а?

Она подняла на меня свои греческие глаза.

– Что?

– Вахто. Михаил Вахто. Иллюзионист. Фокусник. Человек без головы.

Это она поняла.

– А-а,– сказала без интереса и посыпала айву сахаром.

Наконец все было обжарено, примус погашен и хозяйка, сев на табурет, а волосы за плечи закинув (концы их касались чисто вымытого, влажного ещё цемента), принялась за лакомство.

Лучшего момента, понял я, не дождаться. И я взял быка за рога.

– Как он делает это?

Она придержала у рта огненный ломтик. Не понимала...

– Ну, это...– И я залихватски сотворил жест, который обозначал: беру голову (свою, например), сворачиваю, как кукурузный початок, и бросаю вон с крыльца – пусть катится, подпрыгивая.

Афродита с беспокойством проследила за этой катящейся головой.

– Как он делает? – повторил я.– А, тётя Аня? Вы же знаете. Как? Не бойтесь, я никому не скажу.

Она смотрела на меня, недоумевая.

– Что не скажешь? – Забытая у рта айвовая долька темнела на глазах.

Ещё раз объяснил я все. Только теперь уже не жестом изобразил – растолковал словами.

С облегчением улыбнулась она.

– Так ведь он же артист! – Её забавляло моё простодушие.– Артист...– И, удовлетворённая, положила айву в рот.

Тщетно доказывал я, что даже самому развеликому артисту не по зубам оторвать себе голову, а после приставить её. Причём изо дня в день проделывать это. Из года в год...

С ласковой снисходительностью слушала она мой лепет. Экий ещё ребёнок перед ней! Так и ушёл я ни с чем, если не считать, что откушал блюдо, о котором до сих понятия не имел.

Оставалось надеяться на самого себя. Я приналёг. Во вторник скучал, неприкаянно слоняясь из угла в угол (не люблю вторников!), а все остальные вечера пропадал в цирке. Ближе к артистическому выходу норовил пристроиться, на местах, которые считаются неудобными, поскольку приходится сзади смотреть, но зато есть шанс заглянуть за кулисы. Вернее, за портьеру, вплотную к которой стояло таинственное кресло.

Почему здесь, а не на середине арены? Обычно ведь там все делается...

В конце концов моя настойчивость увенчалась успехом. Раз портьера оказалась неплотно задвинутой, и жадный взгляд мой проник в святая святых.

Что увидел я? Буднично, как на лестничной клетке, горели лампочки. Они освещали человека, который стоял, согнувшись, у самого кресла, по ту сторону высокой спинки, а голову сюда просунув. Это был Михаил Вахто.

А в кресле? В кресле другой сидел, неизвестный, спрятанный с головой в специальный костюм, внешне такой же, как у Вахто.

Как плохо спал я в эту ночь! Как долго тянулась она, и как сгорал я от нетерпения все поскорей рассказать Вале Буртовской.

Мне глаза её виделись. Глаза, в которых было то самое выражение, с каким она смотрела на меня тогда в цирке.

Конца уроков я не дождался. На первой же перемене с заговорщицким видом отозвал её в сторонку, к окну, и выложил всё.

Она слушала не перебивая. И ни о чём не спрашивая. Будто всё сразу же поняла, а ведь там было столько тонкостей! Я-то разрешил их все, ворочаясь с боку на бок, но откуда ей знать!

Глаза мои горели. Я чувствовал, как горят они, а её, видел я, гаснут. В них не было восторга, какой предвкушал я. И даже особого интереса не было. Она протянула:

– А-а,– и глянула на меня плоско. Не вопрошая, как прежде, и ничего больше не высматривая во мне. Плоско...

Это был конец. Нет, она не объявила, что разочаровалась во мне или что я ей, скажем, наскучил. Ни одного обидного слова не услышал я. Больше того, она старалась быть со мною поласковей. Когда однажды, набравшись духу, я предложил сходить на документальный фильм о Кио – сам я уже дважды посмотрел его,– ответила с сожалением:

– Не могу. У меня тренировка.

А тренировка у неё была в спортивной школе. Той самой, где блистал маленький и упрямый Толя Скат, разрядник.

Он добился-таки своего: Валя, деликатно отвергнув всех своих одноклашек, ходила с ним. Под ручку... Я не видел, но в классе говорили.

Зато Афродита проникалась ко мне всё большим чувством. Зазвав на крыльцо, угощала то грецкими орехами – я рассовывал их по карманам, но ей этого было мало, и она сооружала кулёк из газеты, то садовым кизилом, мясистым и крупным, влажным от багрового сока, то ещё не остывшим варёным сахаром. Чтобы хоть чем-то отблагодарить, я посвятил её в тайну коронного номера Михаила Вахто.

Это был последний день его гастролей – сезон закрывался. Она выслушала меня, как и Валя Буртовская, не перебивая, но в отличие от Вали не поверила мне. Даже возмутилась.

– Он же артист! Артист, понимаешь...

Он был артист, а я наговаривал на него бог весть что. Чуть не в жульничестве обвинял.

– Можете посмотреть, если не верите,– обиженно посоветовал я. – Ещё не поздно.

Гневно отвергла она моё бесстыдное предложение. Но тут же успокоилась, сказала, что я мал ещё и ничего не понимаю. А поскольку я был мал, вынесла из дому жёлтую, граммов на четыреста, грушу.

– Ешь! Сейчас ешь. Тут...

И с наслаждением смотрела чёрными своими глазищами, как покорно впился я в сочную мякоть.

1983

© Р.Т. Киреев.
Фото Руслана Киреева работы Андрея Василевского © из Фейсбука.